

С. А. Мезин¹

ОБРАЗ ПЕТРА I В СОЧИНЕНИЯХ ВОЛЬТЕРА

Петр I был героем трех исторических сочинений Вольтера: «Истории Карла XII» (1730–1731), «Анекдотов о царе Петре Великом» (1748), «Истории Российской империи при Петре Великом» (1759–1763). Один из наиболее серьезных исследователей петровской темы в творчестве французского историка Евгений Францевич Шмурло (1853–1934) пришел к выводу, что образ царя сложился в законченном виде уже в первом из этих сочинений: «...уже тогда Вольтер нашел в нем [Петре I] главные признаки, к которым позже, по существу, прибавлять ему было почти нечего»². Шмурло полагал, что, исчерпав в первой работе свой материал, в дальнейшем французский просветитель ничего не мог прибавить к характеристике личности царя.

С этим утверждением маститого историка русского зарубежья можно согласиться лишь в том смысле, что в основе всех названных произведений Вольтера лежит идея царя-демиурга, «творца новой нации». Этот образ, созданный усилиями российских идеологов и европейских авторов (в первую очередь – Фонтенеля), называемый также «мифом Петра Великого», господствовал в историографии века Просвещения³ и нашел в лице Вольтера своего горячего сторонника и «пропагандиста».

Однако конкретное наполнение образа Петра I в сочинениях Вольтера менялось: с каждым обращением к петровской теме характеристика личности царя варьировалась в зависимости от целей автора. Изменялись методы представления героя, шло накопление исторических фактов. Об этом и пойдет речь в настоящей статье.

Уже в предисловии к «Истории Карла XII» Вольтер заявлял, что Петр I, «превосходивший» своего соперника, был замечательной личностью, достойной пера историка, а его деятельность является поучительной для потомков⁴. Превосходство Петра Великого над Карлом XII виделось Вольтеру в том, что царь «имя Великого заслужил не столько победами, сколько друtimi, еще более поразительными деяниями». По словам историка, вопреки московитским традициям и «варварскому» воспитанию Петр «решил стать человеком, повелевать людьми и создать новую нацию»⁵. Готовность отказаться от царского сана ради овладения науками, ненасытная жажда знаний, стремление к просвещению своих подданных, их обучение на собственном примере – эти черты особенно привлекали просветителя в русском царе. Автору очень импонировало то, что Петр «ко всему прикладывал собственные руки». Мощный гений Петра, неутомимость в трудах по перениманию европейской цивилизации привели к тому, что «один человек изменил величайшую в мире империю»⁶.

Поместив в начале «Истории Карла XII» обширную похвалу царю-созидателю, Вольтер не забыл о его личных недостатках: «Этому реформатору людей недоставало главной добродетели – гуманности». Царь не смог избавиться от «грубости в удовольствиях, жестокости в обычаях, варварства в мнении»⁷. Таким образом, Вольтер не прощал царю пьянства и дебошей, жестокой личной расправы со стрельцами, казни собственного сына: просвещая свой народ, царь оставался «диким».

Такие поступки, как отъезд из лагеря под Нарвой перед сражением, угрозы «посадить на кол» Мазепу, якобы повлиявшие на решение гетмана изменить царю, неудачные действия в Прутском походе, когда царь «сделал все возможное для своей погибели»⁸, по мнению Вольтера, бросали тень на личность монарха. Едва ли можно принять за похвалу и слова автора о том, что Петр «был столь же грозен для своих подданных, сколь привержен к чужеземцам» и «так погряз... во всяких излишествах, что они сократили его жизнь»⁹. Вольтер отнюдь не любовался русским царем – главным *положительным* героем «Истории Карла XII», но как просветитель и рационалист отдавал царю должное, ибо тот «насаждал в своих владениях цивилизацию»¹⁰.

Вновь сравнивая своих героев-соперников перед описанием Полтавской битвы, Вольтер писал: «Карл имел титул „Непобедимого“, которого мог лишиться в один момент; народы дали Петру Алексеевичу имя „Великого“, которое не могло быть отнято проигранным сражением, ибо он заслужил его не победами»¹¹. Неизменное уважение автора вызывало трудолюбие Петра, его стремление все делать своими руками: «...он был лучшим плотником, лучшим адмиралом и лучшим лодчманом на Севере»¹². Отмечал историк и дальновидные научные и государственные замыслы царя. Как полководец Петр оказался, по мнению Вольтера, «достойным соперником Карла XII». Описав действия царя в морской битве при Гангуте, автор заключал: «Блеск и удачи Карла перешли отныне к царю, и он употребил их с большей пользой, чем его соперник, так как все свои успехи он обращал на пользу своей страны... Его владения обогащались его победами, потому из всех завоевателей он более всего заслуживает снисхождения»¹³. Не забудем, что свою первую «Историю» Вольтер писал с целью «исцелить монархов от безумной мании завоеваний»¹⁴. С главным положительным героем своей книги Вольтер прощался, изображая Петра I в поисках путей к завершению Северной войны, которые, впрочем, не всегда были прямыми.

При подготовке расширенного издания «Истории Карла XII» 1739 г. Вольтер вступил в полемику о Петре I со своим другом прусским принцем Фридрихом (будущим королем Фридрихом II)¹⁵. Последний снабдил историка записками прусского дипломата И. Г. Фоккеродта, прожившего в России 20 лет. Как очевидец, автор резко критиковал Петра за деспотизм, грубость, необдуманность действий. Факты, приведенные Фоккеродтом, как и доводы Фридриха, горячо осуждавшего Петра, не заставили Вольтера изменить свое мнение. «Я согласен, – писал Вольтер Фридриху в январе 1738 г., – это был варвар. Но, наконец, это варвар, который сотворил людей, это варвар, который покинул свою империю, чтобы учиться царствовать, это варвар, который поборол свое воспитание и свою натуру. Он основал города, он соединил моря каналами, он научил морскому делу народ, который не имел о нем понятия. Он даже хотел ввести общество среди людей, не знавших общественных отношений. Без сомнения у него были большие недостатки, но не покрывались ли они этим творческим умом, этим множеством проектов, изобретенных для величия его страны, многие из которых были исполнены?»

Разве он не учредил искусства? Разве, наконец, он не сократил количество монахов? <...> Я не буду скрывать его ошибки, но я превознесу, как только смогу, не только то, что он сделал великого и прекрасного, но и то, что он хотел сделать»¹⁶. Как заметил Мишель Мерво, последние слова свидетельствовали о том, что Вольтер готов был к сознательной идеализации образа царя-реформатора¹⁷. В новом издании «Истории Карла XII» Вольтер воспользовался записками Фоккеродта двояким способом: с одной стороны, он дополнил некоторые, впрочем, второстепенные штрихи к портрету жестокого царя¹⁸, а с другой стороны, придавал иной – позитивный – ракурс фактам, сообщенным прусским автором¹⁹.

Таким образом, в «Истории Карла XII» Вольтер продолжил традицию изображения царя-демиурга, заложенную в «Похвальном слове царю Петру I» Фонтенеля. Это обусловило определенную философскую заданность и антиисторизм образа. Герой, охарактеризованный в начале «Истории», не меняется до ее последних страниц; его появление и деятельность никак не подготовлены историческими условиями, он поступает вопреки им. Оставаясь знаковой фигурой просветительской философии, вольтеровский Петр под пером талантливого писателя приобрел некоторые индивидуальные черты. Они особенно ярко выступают в сравнительных характеристиках главных героев. Почти лишенному человеческих слабостей, кроме жажды завоеваний, смелому и искреннему в своих порывах Карлу XII, которым Вольтер иногда любовался как человеком, противопоставляется наделенный многими личными недостатками, но воюющий только ради государственной выгоды, насаждающий цивилизацию Петр I, которого автор уважал. «Он восхищается как монарх, но его нельзя любить как человека»²⁰, – писал Вольтер Фридриху.

Интерес к деятельности Петра I не иссякал у Вольтера на протяжении десятилетий. Приход к власти в России императрицы Елизаветы Петровны еще более подогревал этот интерес. В 1745 г. Вольтер сообщил русскому двору о своей готовности приняться за написание истории Петра I. Однако в Петербурге вежливо отвергли предложение знаменитого француза.

Без дополнительных русских материалов Вольтер не решался браться за написание полноценной истории и ограничился изданием в 1748 г. «Анекдотов о царе Петре Великом»²¹. Они представляют собой несколько свободно изложенных сюжетов из жизни русского самодержца, связанных просветительской идеей о безграничных возможностях просвещенного разума и человеческой воли, о решающей роли героической личности в прогрессе цивилизации.

Образ Петра I в «Анекдотах» далек от идеала, хотя в целом они выдержаны в благожелательном к царю и к России тоне. Что нового содержал этот «миниатюрный портрет» царя? Во-первых, бросается в глаза акцентирование особой роли Лефортова в становлении реформатора: «...без этого женева, быть может, Россия до сих пор оставалась бы варварской страной». Во-вторых, в «Анекдотах» Вольтер более свободно писал о личных недостатках царя, отразившихся даже на его внешности: конвульсии, которые искажали лицо Петра, были, по словам автора, следствием увлечения алкоголем. Жестокость царя подтверждалась примерами, взятыми из баснословных анекдотов М. А. фон Принтцена, также сообщенных автору Фридрихом Прусским. Петр якобы испытывал остроту своей сабли, лично отрубая голову преступнику. Царь был вспыльчив, нетерпелив, скуповат, неразборчив в отношениях с женщинами. Наконец,

осуждение на смерть царевича Алексея, по словам Вольтера, – «один из самых ужасных примеров жестокости, который когда-либо был продемонстрирован с высоты трона».

Несмотря на вопиющие недостатки воспитания и жестокость, Петр I, «самый деспотичный из монархов», оставался для Вольтера культурным героем, «Прометеем», который позаимствовал в Европе «божественный огонь» цивилизации. Если в «Истории Карла XII» автор представлял Петра как деятеля мировой истории, «вытянувшего» человечество из варварства, то в «Анекдотах» подчеркивается значение его деятельности именно для России: «Русские должны рассматривать царя как величайшего из людей». В условиях варварской Московии он сделал то, «что, может быть, не сделала бы тысяча монархов на его месте». Подводя к мысли, что при всем его величии русский царь не является идеалом *европейского* монарха, Вольтер, возможно, делал реверанс в сторону Фридриха II, в котором надеялся увидеть подлинный пример просвещенного монарха, истинного Александра Македонского, Ликурга и Соломона Севера²².

Некоторое снижение образа Петра I в «Анекдотах» дало Альберу Лортолари основание заметить, что из трех вольтеровских портретов Петра «Анекдоты» – самый правдивый²³. Портрет, действительно, получился более непринужденным, с элементами острого вольтеровского юмора. Однако едва ли можно согласиться с Н. А. Копаневым, характеризовавшим «Анекдоты» как сочинение «явно антипетровское»²⁴. Общий баланс в оценке русского царя, несомненно, оставался положительным. Более того, Вольтер, надевшийся на дальнейшее сотрудничество с петербургским двором, соглашался при переиздании «Анекдотов» ради «славы» России убрать пассажи, чернящие облик Петра²⁵.

Наконец, в начале 1757 г. Вольтеру передали просьбу русского двора написать историю царствования Петра Великого. Вольтер с энтузиазмом принялся за эту работу, которая завершилась лишь в 1763 г. В это время историку пришлось гораздо ближе познакомиться с разнообразными источниками, раскрывающими деятельность русского монарха и его характер. Вольтер еще раз убедился, что идеального героя из Петра I ему изобразить не удастся, не погрешив перед истиной, но от фундаментальной идеи творца «новой нации», цивилизовавшего варварскую Московию, он не отказался. Поэтому он отошел от первоначальной мысли написать подробную, «из года в год», биографию царя и поставил целью создать «Историю Российской империи при Петре Великом», что позволяло говорить только о «важных предметах», не сосредотачивая внимание на «разоблачении» слабостей и жестокости героя²⁶. «Эта история заключает в себе публичную жизнь Петра, которая была полезной, но не его частную жизнь, о которой имеется лишь несколько анекдотов, к тому же достаточно известных. Тайны его кабинета, его постели и стола не могут и не должны быть открыты иностранцем», – писал Вольтер в предисловии²⁷.

Впрочем, Вольтер привел в истории Петра I ряд анекдотов, которые оживляли и в то же время не очень омрачали образ царя.

Так, он описал случай, имевший место во время пребывания молодого царя в Пруссии в 1697 г.: «Во время одного из таких модных пиршеств, опасных как для здоровья, так и для нравов, он угрожал шпагой своему фавориту Лефорту, но затем так же пожалел о своем порыве гнева, как некогда Александр Македонский об убийстве Клиты, и просил у Лефорта прощения. Он говорил, что хочет преобразовать свой народ, но еще не может исправить самого себя»²⁸. Вольтер полагал, что зафиксированный здесь факт раскаяния Петра в своем дурном поступке «должен служить хорошим примером».

Вольтер не преминул повторить рассказ о «гуманности» Петра, который уже приводил в «Истории Карла XII». После взятия Нарвы в 1704 г., когда русские солдаты вошли в город и стали «грабить и совершать всякие жестокости», Петр «принялся всюду пресекать разграбление и убийства, вырывал женщин из рук своих солдат и, убив двоих из тех, кто не подчинился его приказам, он вошел в ратушу, где укрывалась толпа горожан. Положив свою окровавленную шпагу на стол, он сказал: „Не кровью жителей города запятнана эта шпага, а кровью моих солдат, которых я убил, чтобы спасти вам жизнь“»²⁹.

Привел автор и анекдот о том, как Петр I в ответ на просьбу своей жены пощадить ее любимца Виллима Монса в гневе разбил венецианское зеркало со словами: «Ты видишь, что достаточно одного моего удара, чтобы это зеркало превратилось в прах, из которого оно вышло». На что якобы последовал ответ Екатерины: «Ну хорошо, вы разбили то, что составляло украшение вашего дворца, вы полагаете, что он от этого стал лучше?»³⁰. Примечательно, что Вольтер писал, что Монс был осужден за взятки, и не сообщал слухов о его любовной связи с императрицей.

О величии и простоте царя должен был свидетельствовать анекдотический рассказ о том, как Петр радушно принял брата своей только что коронованной жены Карла Скарронского, который был «сыном литовского дворянина»³¹.

Вольтер хорошо представлял всю сложность характера Петра I и темные стороны его натуры. Позже, в «Вопросах об „Энциклопедии“» он так характеризовал царя в связи с делом царевича Алексея: «...наполовину герой, наполовину тигр»³². «Если бы царь был жив, – писал он герцогине Саксен-Готской 25 марта 1760 г., – я бы убежал на сто лье, чтобы не быть при этом кентавре, наполовину человеку и наполовину лошади, который уничтожил столько людей для своего удовольствия, в то время, когда он цивилизовал других»³³. Однако достигнутый результат – цивилизация варварской Московии – представлялся просветителю стоящим принесенных жертв.

В «Истории Российской империи» автор поставил задачу показать Петра I во всем величии, не акцентируя внимания на его недостатках и ошибках: «Самый существенный пункт состоит в том, чтобы заставить читателя видеть Петра в величии, всегда видеть его основателем и творцом посреди самых трудных войн, жертвующим собой и приносящим в жертву других ради блага своей империи»³⁴.

Как историк Петра Вольтер не уставал подчеркивать реальные достоинства царя. Вот как автор «Истории Российской империи» впервые представлял его своим читателям: «Петр Великий был высоко роста, хорошо сложенный, имел стройный стан, благородное лицо с живыми глазами. Он имел сильный темперамент, был способен ко всяким упражнениям и к любой работе. Ум его был точен, что служит основанием для всех истинных талантов. И эта точность соединялась с некоторым беспокойством, что побуждало его все предпринимать и все совершать». Воспитание и среда не способствовали развитию его талантов, однако «вопреки дурным примерам и даже несмотря на удовольствия, он старательно занимался военным искусством и управлением: в нем уже должны были признавать зародыш великого человека»³⁵.

Вольтер показывал, как врожденные качества Петра – любознательность, жажда знаний, энергия, постоянство во всех начинаниях – позволили ему преодолеть многие препятствия – предрассудки его страны и даже детский страх воды. Знания и опыт царь приобретал в Голландии, где «работал в кузницах, в канатных мастерских, на мельницах... – на них распиливают сосновые и дубовые бревна, вытягивают древесные масла,

производят бумагу, изготавливают проволоку. Он записался в число плотников под именем Петра Михайлова»³⁶. Он «работал у знаменитого анатома Рюйша; проводил хирургические операции, которые в случае необходимости делали его полезным для его офицеров или для него самого. Он обучался физическим наукам в доме бургомистра Витсена»³⁷. Затем молодой царь совершенствовал свои знания в Англии, где изучил не только теорию кораблестроения, но и «искусство часовщиков, уже усовершенствованное в Лондоне». Вольтер приводит мнение английского инженера Д. Перри, что «от литья пушек и вплоть до плетения канатов не было ни одного ремесла, на которое бы царь не обратил внимания и не испытал бы своими руками всякий раз, как бывал в мастерских»³⁸.

На протяжении всего повествования автор проводил мысль, что никакие удары судьбы (поражение под Нарвой, трагедия на Пруте) не могли преодолеть нестигаемой стойкости реформатора. В то время, когда Карл XII вел разорительную войну, «царь трудился во имя обогащения и защиты своего государства». Желая быть примером своим подданным, царь проходил все ступени военной и морской службы.

Как видим, автор «Истории Российской империи» изображал царя смолоду работающим над собой, развивающим «зародыши» своего таланта. Это уже не гений, вышедший из рук природы в готовом виде, каким он представлен в «Истории Карла XII».

Следуя стратегии постоянно показывать Петра I «в величии», Вольтер выработал своеобразные тактические приемы, суть которых хорошо показана крупнейшим знатоком россики Вольтера Мишелем Мерво³⁹.

Чтобы читатель не фиксировал свое внимание на недостатках Петра, Вольтер прибегал к приему, который Мерво называет «отвлечение». Автор «Истории» представляет своего героя столь значительным и ярким, что читателю не приходится сожалеть о «неприятных анекдотах» о царе, которыми наполнены многие книги, а слава героя снижает интерес к его человеческим слабостям. Таким образом, на первый план выходит законодатель, завоеватель, создатель, реформатор. Собственно биографические сведения сведены до минимума.

Этой же цели возвеличивания героя служит тактика создания «системы компенсации». Например, сразу после описания жестокой расправы над стрельцами Вольтер показывает «человеколюбие» Петра, проявленное в связи с преждевременной смертью Лефорта. «Насколько суровым Петр проявил себя в этом государственном деле (подавлении стрелецкого мятежа. – С. М.), настолько же гуманным он показал себя некоторое время спустя, когда потерял своего фаворита Лефорта, внезапно умершего в возрасте 46 лет⁴⁰. Он удостоил его таких пышных похорон, которые обычно устраивают великим государям. Он сам принял участие, с пикой в руке, в похоронной процессии, маршируя вслед за капитанами в чине поручика, который он имел в полку под командованием Лефорта, показывая тем самым дворянству, как нужно уважать воинские заслуги и субординацию»⁴¹.

Третий прием состоит в сообщении «смягчающих обстоятельств». Говоря о жестоких наказаниях, Вольтер подчеркивает, что в России того времени они были обычным делом, служили для укрепления порядка, и только после петровской «цивилизации» при Елизавете Петровне нравы смягчились и даже отпала необходимость прибегать к смертной казни.

С самой большой трудностью Вольтер столкнулся, пытаясь объяснить и оправдать жестокость Петра I, проявленную в деле «несчастливого» царевича Алексея. Чтобы «не повредить памяти Петра Великого», автору «Истории» пришлось немало консультироваться с его петербургским «куратором» И. И. Шуваловым. «Печальный конец царевича меня немного смущает; я не люблю говорить против моей совести. Смертный приговор мне всегда казался слишком суровым... Я не вижу в процессе никакого заговора... Я постараюсь выбраться из этого скользкого положения, показывая, что в сердце царя любовь к родине превалировала над чувствами отца», – писал он Шувалову 22 сентября 1759 г.⁴² В конечном счете Вольтер был вынужден остаться в рамках официальной версии смерти царевича, а жестокий приговор, вынесенный вопреки обещанию царя помиловать сына, автор вновь, как и в «Анекдотах», называл «дорогой и печальной ценой», которую Петр I заплатил за цивилизацию и «счастье» своего народа⁴³. Кажется, это «смягчающее обстоятельство» самого автора не вполне убеждало.

В ущерб полноте и исторической правде Вольтер «цивилизовал», «нормализовал» портрет реформатора России. Он убрал упоминания об эксцентрических (вроде участия в оргиях «Всешутейшего и всепьянейшего собора») и устрашающих (личное участие царя в казнях и пытках) поступках царя. «Всешутейший собор» представлен всего лишь как пародия на католическую церковь, а свадьба «князя-папы» Н. М. Зотова кажется автору только странным маскарадом.

Давая в «Истории Российской империи» заключительную характеристику своему герою, Вольтер писал: «Европа признала, что он любил славу, но употреблял ее во благо, что его недостатки никогда не умаляли его великих достоинств, что он, как человек, имел изъяны, но как монарх всегда был велик; что он во всем преодолевал природу – в подданных, в себе самом, и на суше и на воде, но он ее побеждал, чтобы улучшить. Искусства, которые он пересади своими руками в земли, бывшие тогда в своем большинстве дикими, принесли плоды, стали свидетельством его гения и обессмертили его память»⁴⁴. В этих словах – квинтэссенция вольтеровского понимания Петра Великого, которое было необыкновенно популярным в век Просвещения, но вопреки утверждению автора его разделяли не все в Европе; не разделяли вольтеровской оценки и коллеги по «литературной республике» (Дидро, Руссо)⁴⁵.

Вольтер защищал свой взгляд на Петра I в споре с Ж.-Ж. Руссо, который вылился в ряд вольтеровских замечаний и статей, позже объединенных под названием «Петр Великий и Ж.-Ж. Руссо»⁴⁶. Вольтер иронично прокомментировал слова женева философа о том, что «царь Петр не обладал истинным гением, который творит и делает все из ничего»: «Действительно, Жан-Жак, я этому верю без труда, ибо утверждают, что творение – прерогатива одного Бога». Цитируя известную оценку Петра I, высказанную Руссо в «Общественном договоре», его фернейский оппонент сделал примечание: «Чтобы судить монарха, надо перенестись в то время, когда он жил»⁴⁷. Эти высказывания свидетельствуют о том, что в осмыслении исторической роли Петра I Вольтер преодолевал крайности просветительского антиинторизма.

Петр I не был для Вольтера идеалом просвещенного монарха, ибо был деспотом, а понятие «просвещенный деспот» (*фр.* despote éclairé) было неприемлемо для философа, считавшего, что деспотизм по своей природе является оскорблением законной власти⁴⁸. Однако русский царь всегда оставался для Вольтера символом прогресса, великим государственным деятелем, гений и энергия которого позволили его народу преодолеть

многовековую отсталость и войти в сообщество цивилизованных государств. Нельзя не заметить определенную эволюцию образа Петра I в сочинениях Вольтера. Несколько абстрактный культурный герой, творящий «новую нацию», выведенный в «Истории Карла XII», обрел новые человеческие и «русские» черты в миниатюрных «Анекдотах о Петре Великом». В «Истории Российской империи при Петре Великом» довольно полно раскрыта светлая, созидательная сторона натуры русского царя, темная же сторона, в достаточной мере явившаяся взгляду французского просветителя, осталась в тени или вовсе замалчивалась.

- ¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-09-42006.
- ² Шмурло Е. Ф. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929. С. 100.
- ³ См.: Мезин С. А. Петр I. Эволюция образа (конец XVII – начало XXI вв.) // Историческое прошлое и образы истории : материалы IV Междунар. науч. конф., посвященной 110-летию Саратовского университета. Саратов, 17 мая 2019 г. : сб. науч. ст. Вып. 4. Саратов, 2019. С. 103–105.
- ⁴ *Voltaire*. Histoire de Charles XII / éd. critique par G. von Proschwitz // Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1996. Vol. 4. P. 153. Здесь и далее цитаты из сочинений Вольтера даются в переводе автора.
- ⁵ Ibid. P. 184.
- ⁶ Ibid. P. 193.
- ⁷ Ibid. P. 193.
- ⁸ Ibid. P. 406.
- ⁹ Ibid. P. 350.
- ¹⁰ Ibid. P. 349.
- ¹¹ Ibid. P. 350.
- ¹² Ibid. P. 496.
- ¹³ Ibid. P. 499.
- ¹⁴ Ibid. P. 153.
- ¹⁵ См.: Брюне П. Иоганн Готхильф Фоккеродт и его влияние на представления Вольтера и Фридриха Великого о России // Русские и немцы в XVIII веке: встреча культур. М., 2000. С. 42–48; Briine P. Johann Gotthilf Vokkerodt und sein Einfluß auf das Rußlandbild Friedrichs des Großen und Voltaires. Berlin, 2018; Луштенан Ф. Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М., 1999. С. 79–89.
- ¹⁶ *Voltaire*. Correspondence and related documents / definitive ed. by Th. Besterman // Oeuvres complètes de Voltaire. Vol. 95–135. Genève ; Banburg ; Oxford, 1968–1977. N 1426.
- ¹⁷ Mervaud M. Introduction // Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand / éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown // Oeuvres complètes de Voltaire. Vol. 46. Oxford, 1999. P. 13.
- ¹⁸ Ibid. P. 16–18.
- ¹⁹ Мезин С. А. Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 80–81.
- ²⁰ *Voltaire*. Correspondence and related documents. N 1320.
- ²¹ *Voltaire*. Anecdotes sur le czar Pierre le Grand // Oeuvres complètes de Voltaire. Vol. 46. P. 51–84; Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом / пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С. А. Мезина // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 184–199. Подробнее об «Анекдотах» Вольтера см.: Mervaud M. Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand» de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the eighteenth century. Vol. 341. Oxford, 1996. P. 89–126; сокращенный перевод: Мерво М. «Анекдоты о царе Петре Великом»: генезис, источники и жанр // Вольтер и Россия. М., 1999. С. 67–78; Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 589–595.
- ²² См.: Луштенан Ф. Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I. С. 85–86.
- ²³ Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951. P. 44.
- ²⁴ Копанев Н. А. Петр I и Лефорт в исторических сочинениях Вольтера // Петровское время в лицах. СПб., 1998. С. 23–25.

- ²⁵ *Mervaud M.* Les «Anecdotes sur le czar Pierre le Grand» de Voltaire ... P. 124; *Voltaire. Correspondence and related documents.* N 4857.
- ²⁶ *Voltaire. Correspondence and related documents.* N 7792.
- ²⁷ *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand.* Vol. 46. P. 399.
- ²⁸ *Ibid.* P. 586–587.
- ²⁹ *Ibid.* P. 649. Сюжет позаимствован из записок Ф. Х. Вебера.
- ³⁰ *Ibid.* Vol. 47. P. 935. Сюжет позаимствован из записок Г. Ф. Бассевича.
- ³¹ *Ibid.* P. 754–756. На самом деле Карл Скарронский появился в Петербурге уже после смерти Петра I.
- ³² *Voltaire. Questions sur l'Encyclopédie, par des amateurs / sous la direction de N. Cronk et Christiane Mervaud // Oeuvres complètes de Voltaire.* Vol. 42B. Oxford, 2012. P. 402.
- ³³ *Voltaire. Correspondence and related documents.* N 8817.
- ³⁴ *Ibid.* N 10154.
- ³⁵ *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand.* Vol. 46. P. 552–553.
- ³⁶ *Ibid.* P. 588.
- ³⁷ *Ibid.* P. 589.
- ³⁸ *Ibid.* P. 593.
- ³⁹ *Mervaud M.* Introduction // *Voltaire. Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand.* P. 224–225.
- ⁴⁰ Франсуа Лефорт (1656–1699) умер в возрасте 43 лет.
- ⁴¹ *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand.* Vol. 46. P. 602–603.
- ⁴² *Voltaire. Correspondence and related documents.* N 8609.
- ⁴³ *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand.* Vol. 47. P. 865.
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 940.
- ⁴⁵ См.: *Мезин С. А.* Дидро и цивилизация России. М., 2018.
- ⁴⁶ Об эволюции текстов см.: *Mervaud M.* Introduction // *Voltaire. Nouveaux Melanges / sous la direction de N. Cronk // Oeuvres complètes de Voltaire.* Vol. 60A. Oxford, 2017. P. 491–499.
- ⁴⁷ *Voltaire. Dictionnaire philosophique // Oeuvres complètes de Voltaire / éd. Garnier.* Vol. 20. Paris, 1878. P. 211–222.
- ⁴⁸ *Wilberger C. H.* Voltaire's Russia: window on the East // *Studies on Voltaire and Eighteenth century.* Vol. 164. Oxford, 1976. P. 108.